

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.1.301.313>

КОМПЛЕКС ПАРНОГО ПОГРЕБЕНИЯ 9–10 БАРБАШИНСКОГО МОГИЛЬНИКА (ИЗ РАСКОПОК Б.А. ЛАТЫНИНА) В СИСТЕМЕ ХРОНОЛОГИИ МОРДОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА

© 2023 г. Д.А. Козлов

В статье рассматриваются материалы погребений 9 и 10 Барбашинского могильника на территории г. Самары, полученные в 1935 г. в ходе раскопок под руководством Б.А. Латынина, представляют собой парный погребальный комплекс женщины и мужчины. Они содержат многочисленные предметы: украшения, предметы быта и оружие. В женском погр. 9 найден довольно редко встречающийся серебряный перстень, имеющий аналогии в северных русских землях. В мужском погр. 10 обнаружены детали и фрагменты поясного набора, имеющие аналогии в других погребальных комплексах мордвы (сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов). У мужчины также обнаружен колчанный крюк, имеющий прототипы в аскизской культуре Южной Сибири и являющийся развитием такого рода изделий в Золотой Орде. Автором на многочисленных аналогиях определяется время жизни людей и период поступления к ним вещей, обнаруженных в погребениях. На основании статистических закономерностей распространения поясных наборов в мордовских могильниках, делается вывод о высоком статусе захороненных людей. При сопоставлении хронологии комплекса и событий первой половины – середины XIV в., делается предположение об участии мужчины в военных компаниях этого времени. Рассматриваемое парное погребение Барбашинского могильника является одним из наиболее хорошо сохранившихся и хронологически важных комплексов мордвы золотоордынского времени.

Ключевые слова: археология, золотоордынское время, Самара, мордва, Барбашинский могильник, Б.А. Латынин, хан Узбек, сарлейские пояса, колчанный крюк, браслет, сьюльгама.

THE COMPLEX OF PAIRED BURIAL OF THE 9-10 BARBASHINSKY BURIAL GROUND (FROM THE EXCAVATIONS OF B.A. LATYNIN) IN THE CHRONOLOGY SYSTEM OF THE MORDOVIAN ANTIQUITIES OF THE GOLDEN HORDE PERIOD

D.A. Kozlov

The materials of burials 9 and 10 of the Barbashinsky burial ground, obtained in 1935 during excavations under the direction of B.A. Latynin, are considered in the paper. These are the burials of a woman and a man – a pair complex. They contain numerous items: jewelry, household items and weapons. In addition to other jewelry, in the female burial 9 there is a rather rare silver ring, which has analogies in the northern Russian lands. In the male grave 10 in addition to other objects, details and fragments of a belt set were found that have analogies in other Mordovian burial complexes (the Sarleian version of the Golden Horde belt sets). Quiver hook was also found within the male grave. The hook has prototypes in the Askiz culture of Southern Siberia and is the development of such products in the Golden Horde. The author uses numerous analogies to determine the life time of people and the period of receipt of things found in burials. Based on the statistical patterns of the distribution of belt sets in Mordovian burial grounds, it is concluded that buried people had a high status. When comparing the chronology of the complex and the events of the 1st half – the middle of the XIV century, an assumption is made about the participation of men in military companies of this time. The paired burial 9–10 of the Barbashinsky burial ground (1935) is one of the best preserved and chronologically important complexes of the Mordovian people during the Golden Horde time.

Keywords: archaeology, Golden Horde time, Samara, the Mordva, Barbashinsky burial ground, B.A. Latynin, Uzbek Khan, Sarley belts, quiver hook, bracelet, sulgama.

Барбашинский могильник, расположенный на территории г. Самары, является одним из наиболее изученных могильников мордвы золотоордынского времени. В течении XX в. его раскапывали различные исследователи, в целом изучившие не менее 220 погребений (Сташенков, 2014, с. 327). Как показывает обзор золотоордынских материалов из других памятников, такое количество погребальных комплексов близкого возраста (150–170 лет) является достаточно репрезентативной выборкой и позволяет выявлять закономерности различных компонентов материальной культуры, быта и обрядности. Важным моментом изучения Барбашинского могильника является удовлетворительная сохранность его материалов и наличие документации о раскопках, что позволяет сформировать объективную информационную базу для изучения мордовского общества в золотоордынский период. Подобное состояние источниковой базы, к сожалению, не является правилом для многих изучаемых памятников. Например, материалы исследований мордовских могильников Примокшанья данного периода, несмотря на большое количество изученных памятников (21), пока крайне недостаточно опубликованы, а предметы, хранящиеся в коллекциях музеев, часто не имеют необходимой документации, разобщены и депаспортизованы (Ставицкий, 2022, с. 163).

Это можно сказать и об аналогичных материалах Поволжья. На отрезке долины Волги от устья р. Суры до р. Ахтубы исследовано девять могильников, содержащих мордовские погребения или полностью состоящих из таковых. Эти могильники насчитывают около тысячи комплексов, при этом их материалы опубликованы фрагментарно (преимущественно раскопки 1980–2010-х гг.). Особенно это касается материалов из раскопок В.Н. Поливанова на Муранском могильнике, проведенных на рубеже XIX–XX вв., где за несколько лет было исследовано 455 погребений, которые по сей день целостно не опубликованы (Алихова, 1954, с. 260). Все эти факты отчётливо указывают на необходимость широкой публикации материалов предшествующих исследований и их рассмотрения на современном уровне. Одному из таких комплексов Барбашинского могильника и посвящена данная статья.

В 1935 г. раскопки на Барбашинском могильнике проводились по инициативе и

под руководством Б.А. Латынина. За месяц раскопок было исследовано 62 погребения, причём в основном в двух раскопах – А и В, определены примерные границы могильника. Комплексности этим работам придаёт тот момент, что антропологические характеристики останков людей, изучались на месте анатомом и профессором Куйбышевского медицинского института Геннадиевым (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 46). Благодаря этому мы имеем характеристики по полу и возрасту многих вскрытых раскопками скелетов. В настоящее время большая часть коллекции предметов из этих исследований хранится в фондах СОИКМ им. П.В. Алабина (коллекция КМК КП-23).

Первой публикацией, в которой вкратце были освещены раскопки 1935 г. и даны планы трёх погребений (в том числе и погребения 10 раскопа А), стала статья в итоговом труде по археологическим работам в РСФСР в 1934–1936 гг., вышедшем лишь в 1941 г. (*Поляна им. Фрунзе*, 1941, с. 148–151). С тех пор и вплоть до начала XXI в. материалы раскопок были лишь незначительно введены научный оборот и пережили несколько перемещений вместе с музеем, что отрицательно сказалось на сохранности предметов некоторых комплексов. Только в 2008 г. сотрудниками СОИКМ им. П.В. Алабина Д.А. Сташенковым и А.Ф. Кочкиной была опубликована книга о самарском периоде жизни Б.А. Латынина, в которую вошли архивные материалы учёного из раскопок Барбашинского могильника 1935 г., а также рисунки и фотографии некоторых предметов из погребений, каталог находок по документации музея (Сташенков, Кочкина, 2008).

Раскоп А представлял собой сетку квадратов 3х3 м с прирезками, расположенными по центру проезда между дачными и санаторными участками, и фактически являвшимися единой траншеей, пересекающей могильник с СЗ на ЮВ (рис. 1: 1). Комплексы погребений 9 и 10 расположены в кв. XII и частично в кв. XIII (рис. 1: 2). Уже в процессе написания черновика отчёта по раскопкам памятника Б.А. Латынин высказал предположение о том, что эти погребения связаны между собой и являются парным супружеским захоронением (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 86). Подобные комплексы не являются редкостью у мордвы золотоордынской эпохи, в чём можно

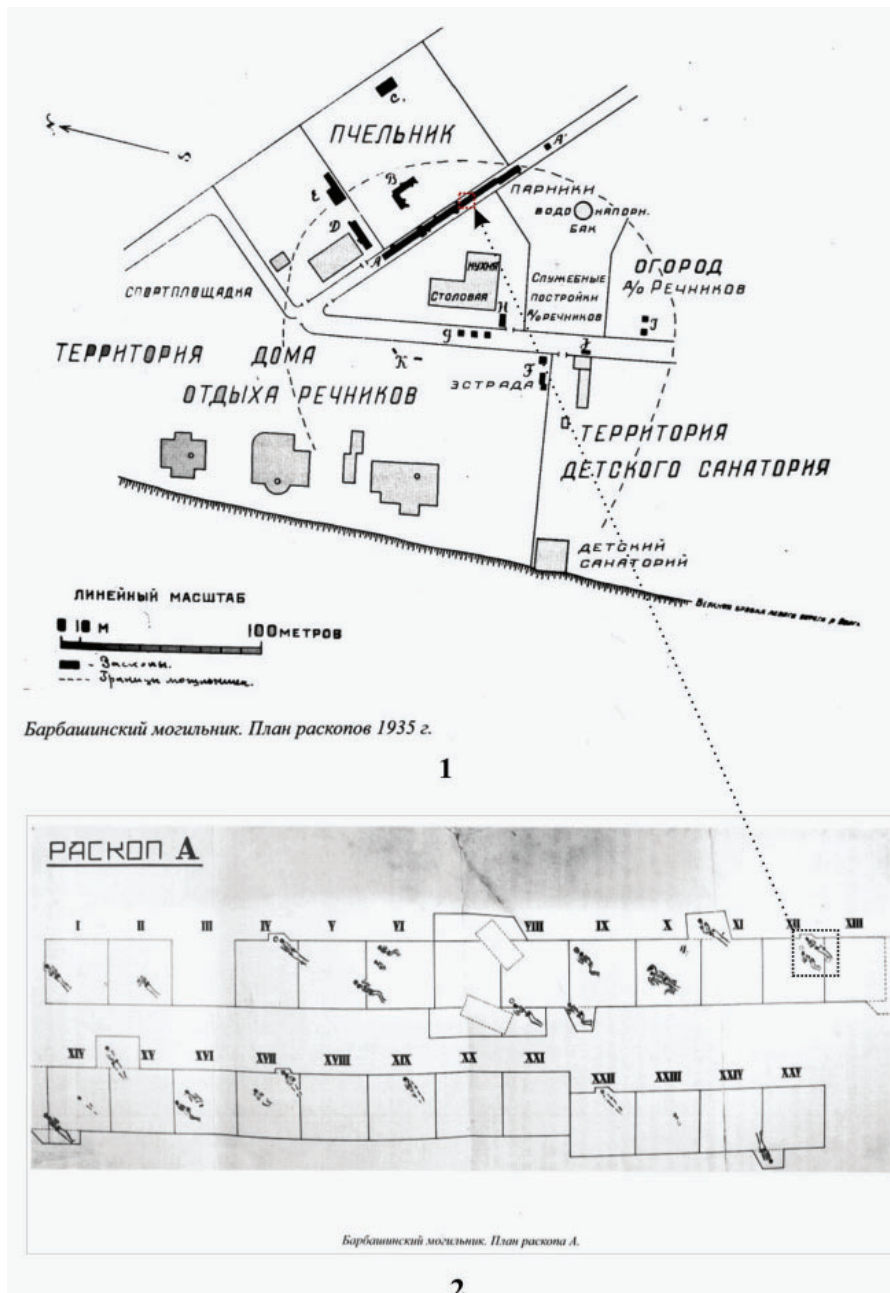

Рис. 1. Схема расположения погр. 9 и 10 на Барбашинском могильнике.

1 – план могильника и раскопов 1935 г.; 2 – схема расположения п. 9–10 в пределах раскопа А (по Д.А. Сташенкову, А.Ф. Кочкиной, 2008).

Fig. 1. The layout of the graves 9 and 10 at the Barbashinsky burial ground.

1 – plan of the burial ground and excavations in 1935; 2 – layout of the graves 9–10 within excavation A (according to D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina, 2008).

убедиться на многочисленных примерах из Сарлейского и Аткарского могильников. Данное положение позволяет рассматривать погребения 9 и 10 как синхронные в составе единого комплекса, мужского и женского. Это в свою очередь делает возможным выявить и изучить мужской и женский инвентарь в едином хронологическом диапазоне.

В погр. 9 была обнаружена женщина возрастом более 50 лет, возраст мужчины из погр. 10 соответствовал ей (также более 50 лет) (Сташенков, Кочкина, 2008, с. 86). Умершие ориентированы головой на ССЗ. В соответствии с традициями захоронений мордовских женщин этого периода женщина была похоронена в скорченном положении на

правом боку с подогнутыми ногами и согнутыми руками. В связи с тем, что в публикации материалов этого погребения отсутствует его схема, она была выполнена на основе схемы раскопа с учётом описания и фотографии (рис. 2: 1). Мужчина похоронен вытянуто на спине. Среди материалов публикации 2008 г. имеются фотографии этого комплекса вместе с погр. 9, отдельно само погр. 10, а также чертеж погр. 10 опубликованный ещё в 1941 г. (рис. 3: 1) (Стащенко, Кочкина, 2008, с. 58-59).

Женщина и мужчина были похоронены по языческому обряду с многочисленными вещами. У женщины были обнаружены: 10 подкововидных застёжек, лопастная сьюльгама, четыре браслета (по два на каждой руке), три перстня (два на пальцах левой руки и один на правой руке). Застёжки и сьюльгама располагались скоплением от груди до бедер, под которыми отмечены остатки луба, являвшиеся частью украшения. В фондах СОИМК им. П.В. Алабина сохранились почти все предметы из этого погребения, кроме одного перстня (другой сохранился без щитка) и одного дровового браслета. Один пластинчатый браслет сохранился частично (рис. 2).

Мужчина из погр. 10 был похоронен с более многочисленным и разнообразным инвентарем (рис. 3, 4). Помимо подкововидных застёжек, у него были обнаружены: детали поясного набора из сплава на основе меди (пряжка, накладки, наконечник, привески, обоймицы), находившиеся в районе поясицы; железные пряжки, кресало, нож, наконечник стрелы, топор, медный колчаный крюк, железные скобы и накладки, а также медный котелок у правой ноги. К сожалению, к настоящему моменту не все предметы сохранились в коллекции. Несмотря на утраты, большая часть инвентаря обоих погребений доступна для изучения, их многочисленность и принадлежность к различным категориям делает данный комплекс весьма ценным во многих отношениях.

Материалы из этого комплекса анализировались нами по публикации (Козлов, 2022а, с. 14–28). Однако детальное изучение всех предметов из погр. 9 и 10 непосредственно в коллекции позволяет более точно охарактеризовать материал и сопоставить его с синхронными датированными предметами Восточной Европы для получения более достоверных

выводов о времени жизни людей в историческом и географическом пространстве.

В погр. 9 присутствуют 10 подкововидных застёжек, которые делятся на два подтипа: 1) сделанные из одной проволоки, они двух видов: 1.1 – с гладкими завитыми в цилиндры концами – 6 экз. (рис. 2: 2–7); 1.2 – с концами в виде цилиндров с продольными желобками – 3 экз. (рис. 2: 8–10); 2) витая из двух проволок с тонкой проволочной перевитью – 1 экз. (рис. 2: 11). Отметим, что одна из застёжек имеет ярко выраженный сильный износ цилиндров окончаний, связанный с длительным периодом ношения (рис. 2: 5). Первый вид застёжек имеет многовековую хронологию – с середины XII в. Второй вид, как и витая с перевитью, имеют датированные аналогии в погребении 1 раскопа 4 Барбашинского могильника из раскопок Д.А. Стащенко 2013 г. (Стащенко, 2014, с. 9–11). Здесь в составе украшений женщины 40–50 лет были обнаружены такие же застёжки вместе с золотоордынскими монетами, из которых наиболее поздняя и новая относится к 1356/57 г. (Стащенко, 2014, рис. 28, с. 21, рис. 30: 2, с. 22). Это позволяет датировать время жизни женщины достаточно уверенно в пределах 1310–1360 гг. Соответственно 1310–1320-ми гг. можно датировать и появление подобных застёжек, не встречающихся в более ранних комплексах рубежа XIII–XIV вв. (четвертая четверть XIII – первая четверть XIV в.), например в погр. 6 Аткарского могильника (Козлов, 2022б, рис. 1: 3, с. 251).

Перстень с ажурной шинкой и ромбическим щитком из погр. 9 (рис. 2: 13) является редкой находкой в Поволжье, так как основной район распространения перстней подобной конструкции – это север Руси – Новгородская земля – Новгород, Старая Русса (Олейников, 2021, рис. 1: 27, с. 272; Седова, 1981, рис. 51: 24–27, с. 134). Здесь они многочисленны и встречаются весь XIV в. (Олейников, 2021, с. 274). При этом отметим то, что в исходном районе производства они изготавливались из оловянисто-свинцового сплава (Седова, 1981, с. 136), барбашинский же экземпляр изготовлен из серебра.

Двулезвийное кресало из мужского погр. 10 (рис. 4: 2) имеет хорошо датированные аналогии. Среди обнаруженных кресал в ходе раскопок в Славенском конце Новгорода (Нутный раскоп), было обнаружено несколько экзем-

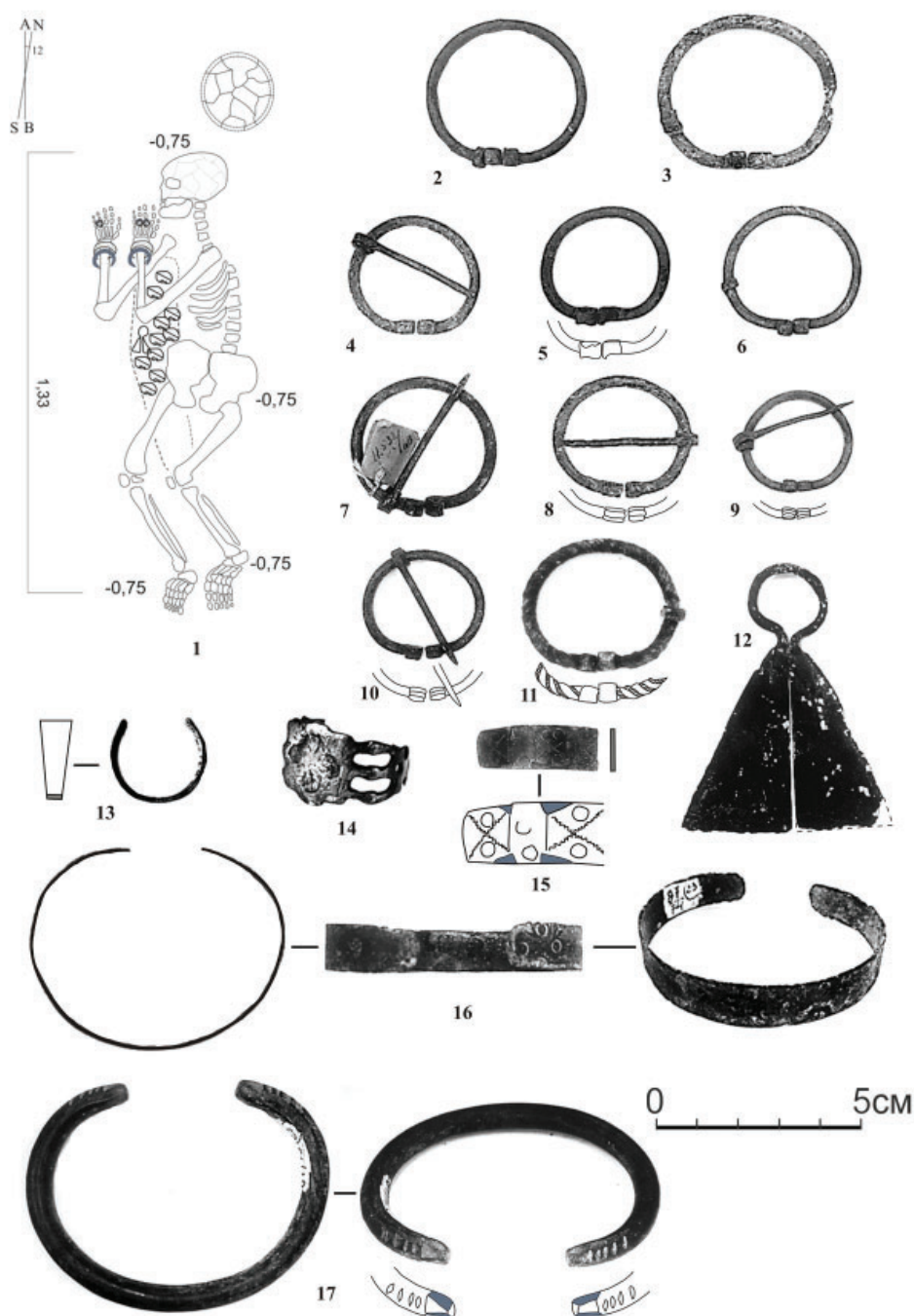

Рис. 2. Комплекс погребения 9:

1 – схема погребения; 2–11 – застёжки; 12 – сьюльгама; 13 – фрагмент шинки перстня; 14 – перстень с ажурной шинкой; 15 – фрагмент пластинчатого браслета; 16 – пластинчатый браслет; 17 – дротовый браслет. 2–13, 15–17 – медь, бронза; 14 – серебро.

Fig. 2. Burial complex 9:

1 – burial scheme; 2–11 – clasps; 12 – sulgama; 13 – fragment of a ring splint; 14 – ring with an openwork splint; 15 – fragment of a plate bracelet; 16 – plate bracelet; 17 – dart bracelet. 2–13, 15–17 – copper, bronze; 14 – silver

пляров кресал подобной формы, датирующиеся 1340–1360-ми гг. (Гайдуков, 1992, рис. 64: 6, 8, с. 155). Имеются подобные экземпляры и из более ранних раскопок культурного слоя Новгорода, например, кресало, обнаруженное

в ярусе 8 (1342 г.) (Колчин, 1959, рис. 84: 9, с. 101). Их отличительная черта это, прежде всего, форма внутреннего выреза – овальная и прямоугольная со скругленными углами (рис. 3: 18). Как видно из материалов Новго-

рода, там все они датируются 1340–1360-ми гг. Подобной формы кресало имеется среди находок из кочевнического «кургана» 53 Царёвского могильника, где в погр. 2, помимо него, были обнаружены также золотоордынские монеты 1344–1347 гг. (Мыськов, 2015, рис. 21: 9, с. 389).

Колчаный крюк, изготовленный из сплава на основе меди, имеет выраженный щиток из треугольной в сечении пластины и три заклёпки с небольшим фрагментом кожаного ремня на тыльной стороне возле одной из них (рис. 4: 1). Характерной чертой формы этого изделия является наличие заостренных выступов на тыльной стороне щитка. Подобная форма щитка имеется на изделии из раскопок в Славенском конце Новгорода (Нутный раскоп), где также присутствует центральная грань (Гайдуков, 1992, рис. 64: 22, с. 155). Изделие датируется тем же периодом, что и кресала, приведенные выше, – 1345–1356 гг. Этот предмет, безусловно, тяготеет к ремесленной традиции аскизской культуры по своей форме и имеет прототипы среди аналогичных изделий каменского этапа (XIII–XIV вв.) аскизской культуры (Кызласов, 1983, табл. XXII: 24, 26, с. 110). При этом как по материалу, так и по деталям формы (заострения), это уже золотоордынское изделие.

Железная пряжка с овальной рамкой ромбовидного сечения (рис. 3: 9), несмотря на широкие рамки бытования подобной формы, также имеет прямую датированную аналогию в материалах Нутного раскопа Новгорода, где обнаружена в слоях 1327–1345 гг. (Гайдуков, 1992., рис. 57: 18, с. 148).

Наконечник стрелы из погр. 10 представляет собой совмещение лопатковидного срезня с ромбической формой режущего действия (рис. 4: 4). Имеется и хорошо выраженный граненый упор для древка стрелы. Подобная форма наконечников пока не обнаруживает аналогий в погребальных комплексах Восточной Европы, но имеет аналогии и близкие варианты среди материалов Брик-Алгинского местонахождения в Башкирии (Гарустович, 2012, рис. 5: 6, 10, 16, с. 223). Это соседние с Самарским Поволжьем земли на территории современной юго-западной Башкирии (Бугульминско-Белебеевская возвышенность). Г.Н. Гарустович на основании анализа нумизматических находок датировал Брик-Алгинское местонахождение второй половиной 1370-х гг. и связывал

его с разгромом купеческого каравана в эпоху «Великой замятни» (Гарустович, 2012, с. 196).

Топор имеет ярко выраженный плавный переход от шейки к обуху (рис. 4, 5). Подобной формы обух имеется у топора из погр. 18–19 Сарлейского могильника (Горюнова, 1948, табл. XI: 9, с. 155). Топоры из мордовских погребений золотоордынского периода рассматривались нами в работе 2022 г., посвященной их эволюции (Козлов, 2022в, с. 221–225). Обух топора из погр. 10 р. А Барбашинского могильника (1935 г.) имеет прямую аналогию в погр. 16 Усинского могильника с монетой 1359/60 г. По типологии В.С. Святкина, доработанной нами на датированном материале, топор по форме обуха и щековиц относится к группе Б – типу 4 – подтипу 2 (Козлов, 2022в, рис. 1, с. 223). Ещё один топорик подобной формы, но применявшийся в ювелирном ремесле, обнаружен в культурном слое базара Болгара, где датируется также серединой XIV в. (Болгар..., 2022, с. 76, рис. 81: 3).

Поясной набор состоит из следующих элементов (рис. 3: 16): 1) одной пряжки с рамкой лировидной формы с отдельной осью и язычком без приемника, рамка пряжки орнаментирована продольными желобками; 11 накладок в виде «пальметты» или «лилии» (типа рис. 3: 13), одна из которых с петлей и кольцом для подвешивания, две соединены коромысловидной перемышкой; 26 накладок «лунниц» (типа рис. 3: 12), орнаментированных симметричными побегими растения; одной обоймы с местами от заклёпок, с орнаментом в виде шестилепесткового цветка и коня (рис. 3: 15); двух обоймиц для продевания ремня украшенных продольными желобками (рис. 3: 11); одного наконечника пояса, орнаментированного растительной веткой. Всего на поясе имелось 38 накладок. Все они, как и наконечник пояса, изготовлены методом штамповки, с дальнейшим заполнением неким наполнителем и наклейкой на кожаное полотно.

Матрица по изготовлению полностью идентичных накладок «пальметт», или «лилий» (трехлистников), только в сочетании – в виде креста, обнаружена при раскопках в культурном слое базара Болгара на раскопе CLXXIX (Болгар..., 2022, рис. 80: 3). Сам культурный слой базара датируется серединой XIV в. (Болгар..., 2022, с. 71–72). На основании данной находки вполне возможно, что

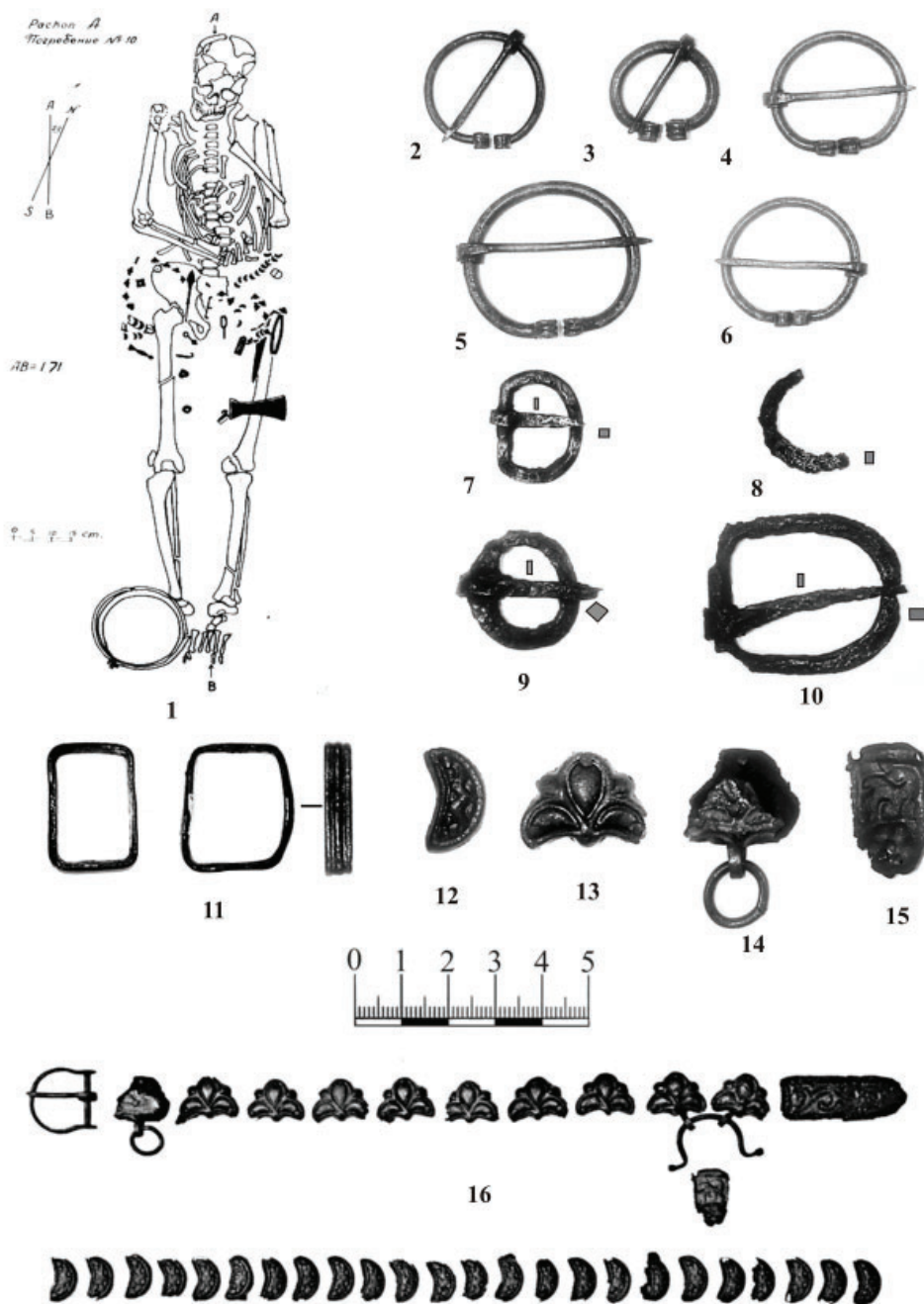

Рис. 3. Комплекс погребения 10:

1 – схема погребения; 2–6 – застёжки; 7–10 – пряжки; 11–15 – детали поясного набора (основные виды); 16 – поясной набор полностью (по Д.А. Сташенокву, А.Ф. Кочкиной, 2008); 2–6, 11–15 – медь; 7–10 – железо.

Fig. 3. Burial complex 10:

1 – burial scheme; 2–6 – clasps; 7–10 – buckles; 11–15 – details of a belt set (main types); 16 – full belt set (according to D.A. Stashenkov, A.F. Kochkina, 2008).

2–6; 11–15 – copper; 7–10 – iron.

детали этих поясных наборов происходят из мастерских Болгара, одного из важнейших центров Золотой Орды.

Коромысловидная перемычка, соединяющая две «пальметты» (рис. 3: 16), на других опубликованных поясных наборах золотоор-

дынского времени в Восточной Европе пока не известна. Знакомство с европейскими образцами XIII–XIV вв. (например, пояс инфанта Кастилии и Леона Фернана де ла Серды, 1255–1275 гг.), позволяет предположить, что эта деталь заимствована оттуда. Усиливает

это предположение то, что европейские поясные наборы и их подражания имели хождение в Золотой Орде. Это наглядно демонстрирует культурный слой базара Болгара, где обнаружены пряжки европейского типа, изготовленные в местной мастерской (Болгар..., 2022, рис. 117: 7). В погр. 3 мордовского могильника у с. Черемис (Среднее Примокшанье), имеется поясной набор с характерными европейскими деталями и золотоордынской монетой 1-й половины XIV в. (Козлов, в печати). Эти факты позволяют наметить европейское влияние на поясные наборы в Золотой Орде.

На основании датированных предметов и исходя из возраста женщины из погр. 9 и мужчины из погр. 10, можно определить период их жизни. Верхний хронологический диапазон попадает на 1350–60-е гг., нижний, наиболее вероятно, находится в диапазоне от 1300 до 1310-х гг. При этом, исходя из наличия в погребении подкововидных застёжек с концами, украшенными желобками и отсутствия подобных в погребениях рубежа XIII–XIV вв. (погр. 6 Аткарского могильника, инвентарь 1290–1300 гг.), и других характерных вещей предшествующей эпохи, можно предположить, что время начала поступления вещей приходится на 1310–1320-е гг. На время молодости (20–30 лет) женщины и мужчины приходится период во второй четверти XIV в. (1320–1330-е гг.), когда в основном и формируется вещевой комплекс.

На основании наличия поясного набора и других атрибутов походного и воинского снаряжения (котелки, колчаные крюки и наконечники стрел, топоры), присутствия двух погребений с конями и сбруей (к. 1 Сарлейского могильника 1988 г., погр. 12 могильника Заречное II), мы высказали предположение, что подобные признаки характеризуют мордовское воинское сословие, упоминаемое в письменных источниках в золотоордынской терминологии – «мордовские князья и мурзы» (Козлов, 2022а, с. 24).

Среди инвентаря мордовских мужских погребений XIII–XIV вв. поясной набор встречается достаточно редко. Так, из 13 мужских погребений Гагинского могильника поясные наборы имеются только в двух (погр. 9 и 16) (Алихова, 1959, с. 185–192). Из 17 мужских погребений раскопок Б.А. Латынина на Барбашином могильнике, поясные наборы встречены только в трех комплексах (погр. 10, 20,

27), из них один с железными деталями (погр. 27). Не встречены полноценные поясные наборы в четырех мужских погребениях в раскопках В.А. Миллера Барбашинского могильника в 1908 г. (Сташенков, 2011, с. 46–59). В материалах раскопок Д.А. Сташенкова в 2011–2013 гг. из пяти мужских погребений только в одном обнаружены железные накладки поясного набора (погр. 1, р. 1) (Сташенков, 2012, рис. 5: 2–8, с. 30). Из девяти мужских погребений Аткарского могильника раскопок 1979–1980 гг. поясной набор обнаружен лишь в двух (погр. 6 и 11) (Монахов, 1991, с. 167–188). На Аткарском могильнике из раскопок С.В. Ляхова 1996–1997 гг. в шести мужских погребениях поясной набор обнаружен только в одном парном комплексе (погр. 36) (Ляхов, 1997, с. 79–97). На приведенном материале видно, что поясные наборы имеются в среднем только у 15% мордовских мужчин, живших в золотоордынскую эпоху. Этот факт, на наш взгляд, статистически подтверждает тезис о принадлежности подобных комплексов к прослойке мордовской знати.

Определение хронологических рамок жизни женщины из погр. 9 и мужчины из погр. 10 Барбашинского могильника, производившееся независимо от датирования, проведенного нами ранее по группе погребений с поясами типа сарлейского, подтвердило наше предположение (Козлов, 2022, с. 24). Также это можно сказать и о причинах появления поясных наборов типа сарлейских (как вариант золотоордынских гарнитур). Из приведенного выше статистического материала по Барбашиному, Аткарскому и Гагинскому могильнику можно выделить количество подобных комплексов. В Барбашином могильнике, судя по опубликованным ранее материалам, подобный поясной набор встречен в погр. 10 р. А 1935 года. В Аткарском могильнике при раскопках 1979–1980 и 1996–1997 гг. обнаружены три поясных набора, но подобные не встречались. В Гагинском могильнике оба комплекса с такими поясами. Таким образом, поясные наборы типа сарлейского встречены в этих памятниках в трех случаях из 10 погребений с поясами. В других памятниках по опубликованным материалам обнаруживаются только такие поясные наборы (Сарлейский могильник, погр. 18–19, 1927 г. и погр. 12 1988 г. – два из двух, Заречное II – погр. 12, 130, 131 – три из трех). Это свидетельству-

Рис.4. Комплекс погребения 10 (продолжение)

1 – колчанный крюк; 2 – кресало; 3 – нож; 4 – наконечник стрелы; 5 – топор. 1 – медь; 2–5 – железо.

Fig.4. Burial complex 10 (continued)

1 – quiver hook; 2 – fire lighter; 3 – knife; 4 – arrowhead; 5 – axe. 1 – copper; 2–5 – iron.

ет об их массовости среди мордовской элиты, определенном «всплеске» и неравномерности появления. Подобное может свидетельствовать о широкой вовлеченности мордовской знати в события своего времени.

«Всплеск» военной активности у мордовских воинов в 1320–1350-х гг. в период расцвета золотоордынской государственности, когда границы государства не подвергались серьезным вторжениям соседей, мы видим в проблемах внутренней политики. Сепаратистские настроения постоянно присутствовали в государстве, созданном из различных этнических и религиозных компонентов, в разной степени интегрированных новой государственностью. Единственным крупным событием примене-

ния военной силы данного периода, в котором упоминаются «мордовские князи с мордвичи», является поход под Смоленск объединенной мордовско-татарско-русской коалиции в 1339/40 г. (Никоновская летопись, 1885, с. 211).

Русские дружины возглавлял великий князь московский Иван Данилович «Калита». Общее руководство войском осуществлял золотоордынский полководец Тоглу-бей (Товлубий) (Юрченок, 2013, с. 67–73). Появление столь серьезных сил и начало боевых действий возле Смоленска отрезвляюще подействовало на смоленского князя, подчинившегося воле хана Узбека и погасившего задолженность по уплате «выхода». Весьма важно,

что по данным русских летописей, после этого успеха награждения получили руководители дружин из русских земель в 1340 г. – московский князь Иван «Калита» и суздальский князь Константин Васильевич, которым хан Узбек отделил части Владимирского княжества. Первый получил большую часть княжества, ранее принадлежавшего тверской династии. Последний получил Городец и Нижний Новгород, став основателем Суздальско-Нижегородского княжества. Как отражение подобных событий, мы видим и в появлении поясных наборов типа сарлейского умордовской знати.

Материалы погр. 9 и 10 р. А Барбашинского могильника из раскопок Б.А. Латынина в 1935 г. являются одним из ценнейших комплексов золотоордынской эпохи, содержащие одновременно предметы, характерные для женщины и мужчины. Анализ находок и сопостав-

ление их с материалами Восточной Европы позволил установить интервал времени жизни этих людей – это примерно 1310–1360-е гг. Они являлись представителями сословия знати мордовского народа, жившими в период расцвета Золотой Орды и умершими в начале эпохи «Великой замятни». Как и ранее, мы связываем появление поясного набора у мужчины из погр. 10 с событиями Смоленского похода 1339/40 г., а в его конструкции обнаруживается западноевропейское влияние. Дальнейшая публикация подобных комплексов, содержащих столь выразительный материал, безусловно, будет способствовать углублению и расширению знаний о материальной культуре не только мордовского народа, но и связанных с ним других народов в рамках Золотой Орды для максимального приближения к пониманию картины объективной реальности того времени.

Благодарность:

Автор выражает глубокую признательность сотрудникам СОИМК им. П.В. Алабина Д.А. Сташенкову и А.Ф. Кочкиной за помощь и содействие в процессе работы над коллекцией Барбашинского могильника из раскопок Б.А. Латынина 1935 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Алихова А.Е.* Муранский могильник и селище // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I / МИА. № 42 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 259–301.
- Алихова А.Е.* Эрзянский могильник XIV в. у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Т. 2 / Отв. ред. А.П. Смирнов. Саранск: Красный октябрь, 1959. С. 169–194.
- Гайдуков П.Г.* Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: Эвтектика, 1992. 197 с.
- Гарустович Г.Н.* След Великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Гилем, 2012. 222 с.
- Горюнова Е.И.* Сарлейский могильник // Археологический сборник. Т. 1 / Ред. Ю.В. Готье, Н.Ф. Цыганов, Ю.А. Котков. Саранск: Мордовское Гос. изд-во, 1948. С. 6–55.
- Козлов Д.А.* Сарлейский вариант золотоордынских поясных наборов: распространение, хронология, социокультурный и исторический контекст // Нижний Новгород и его периферия: 800 лет борьбы и дружбы: сб. стат. по мат. 5-х Дальнеконстантиновских чтений / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. Нижний Новгород, Богородск: Вариант, 2022а. С.14-28.
- Козлов Д.А.* Накладки аскизского типа из мордовского погребения №6 Аткарского могильника // Археология Евразийских степей. 2022б. №3. С. 249–263.
- Козлов Д.А.* Эволюция мордовских топоров в эпоху Золотой Орды // Актуальная археология – 6: Материалы Международной научной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 4–7 апреля 2022 г.) / Отв. ред. А. М. Киселева. СПб.: ИИМК РАН, 2022в. С. 221–225.
- Козлов Д.А.* Мужское погребение с поясным набором и золотоордынской монетой из могильника у с. Черемис в Среднем Примокшанье // Конференция «II Юрчёнковские чтения: Память прошлого – сценарии будущего». (Саранск, 23 сентября 2022 г.) (в печати).
- Колчин Б.А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II / МИА. № 65 / Под ред. А.В. Арциховского, Б.А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 7–120.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука, 1983. 128 с.

Ляхов С.В. Исследования Аткарского грунтового мордовского могильника XII–XIV вв. в 1996 году // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году. Вып. 2 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: Орион, 1997. С. 79–97.

Ляхов С.В. Охранные раскопки с Саратовском левобережье // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3. / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: СПИ, 1999. С. 94–100.

Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2 / Ред. Н.М. Малов. Саратов: СГУ, 1991. С. 167–188.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 10. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: тип. Министерства внутренних дел, 1885. 169 с.

Олейников О.М. Перстни с изображением руки // КСИА. 2021. Вып. 264. С. 270–289

Поляна им. Фрунзе [без имени Латынин Б.А.] // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. / Отв. ред. В.В. Гольмстен. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 148–151.

Святкин В.С. Вооружение и военное дело мордовских племен в первой половине II тыс. н.э. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т., 2001. 147 с.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.

Ставицкий В.В. История изучения примокшанской группы мордовских могильников золотоордынского времени // Археология Евразийских степей. 2022. № 6. С. 155–166.

Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н. Глазова и В.А. Миллера на Барбашинском могильнике / Сост. Д.А. Сташенков, А.Ф. Кочкина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина, 2011. 96 с.

Сташенков Д.А. Новые археологические исследования на территории города Самары. Самара: Ас Гард, 2012. 136 с.

Сташенков Д.А. Барбашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования / Известия Самарского научного центра РАН. 2014. Т. 16. № 3. С. 326–329.

Сташенков Д.А. Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году. Материалы научных экспедиций. Самара: СНЦ, 2014. С. 5–34.

Сташенков Д.А., Кочкина А.Ф. Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Саратов: Новый ветер, 2008. 200 с.

Юрчёнков В.А. Поход Тоглу-бия на Смоленск в 1339/40 г. и «мордовские князи с мордвичи» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. № 3 (27). С. 67–73.

Информация об авторах:

Козлов Дмитрий Александрович, аспирант, Научно-исследовательский институт при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск, Россия); demetriy87@gmail.com

REFERENCES

Alikhova, A. E. 1954. In Smirnov, A.P. (ed.). *Trudy Kuibyshevskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Kuibyshev Archaeological Expedition)* Vol. I. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Proceedings and Research in the USSR Archaeology of the USSR) 42. Moscow: "Nauka" Publ., 259-301 (in Russian).

Alikhova, A. E. 1959. In Smirnov, A. P. (ed.). *Iz drevnei i srednevekovoi istorii mordovskogo naroda (Essays on Ancient and Medieval History of the Mordva People)*. Saransk: "Krasnyi oktiabr" Publ., 169–194 (in Russian).

Gaydukov, P. G. 1992. *Slavenskii konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop (Slavensky End of Medieval Novgorod. Nutny Excavation)*. Moscow: "Evtektika" Publ. (in Russian).

Garustovich, G. N. 2012. *Sled Velikoy zamyatni (Mestonakhozhdenie XIV veka u derevni Brik-Alga (Trace of the Great Troubles (XIV century site near the village of Brik-Alga))*. Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Goryunova, E. I. 1948. In Got'e, Yu. V., Tsyganov, N. F., et al. (eds.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers)* 1. Saransk: "Mordovskoe Gosudarstvennoe izdatel'stvo" Publ., 6–55. (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. Ilyushin, B. A., Chetvertakov, E. V. (eds.) *Nizhniy Novgorod i ego periferiya: 800 let bor'by i druzhby (Nizhny Novgorod and its periphery: 800 years of conflicts and friendship)*. Nizhniy Novgorod, Bogorodsk: "Variant" Publ., 14–28 (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 3, 249–263 (in Russian).

Kozlov, D. A. 2022. In Kiseleva, A. M. (ed.) *Aktual'naya arkheologiya (Current Archaeology)* 6. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, 221–225 (in Russian).

Kozlov, D. A. (in print). In *Konferentsiya «II Yurchenkovskie chteniya: Pamyat' proshlogo – stsennyye budushchego» (Saransk, 23 sentyabrya 2022 g.) (Conference "II Yurchenkov's readings: memory of the past – scenarios of the future". (Saransk, September 23, 2022)* (in Russian).

Kolchin, B. A. 1959. In Artsikhovskii, A. V., Kolchin B. A. (eds.). *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition)* Vol. II. Series: Materialy i issledovaniya po arkhologii (Materials and Studies in the Archaeology) 65. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 7–120 (in Russian).

Kyzlasov, I. L. 1983. *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv. (Askizskaya Culture of South Siberia in the 10th–14th cc.)*. Series: Svod Arkheologicheskikh Istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E3-18. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Lyakhov, S. V. 1997. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniya v 1996 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1996)* 2. Saratov: "Orion" Publ., 79–97 (in Russian).

Lyakhov, S. V. 1999. In Yudin, A. I. (ed.). *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraia. Okhrana i issledovaniya v 1997 godu (The Archaeological Heritage of the Saratov Region. Conservation and Research in 1997)* 3. Saratov: Saratov Pedagogical Institute Publ., 94–100 (in Russian).

Monakhov, S. Yu. In Malov, N. M. (ed.). *Arkheologiya vostochno-evropeiskoi stepi (Archaeology of East-European Steppe)* 6. Saratov: Saratov State University, 167–188 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Oleinikov, O. M. 2021. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii (Brief Communications of the Institute of Archaeology)* 264, 270–289 (in Russian).

Patriarshaia ili Nikonovskaia letopis (Patriarch's or Nikon Chronicle). 1885. Series: Polnoe sobranie russkikh letopisei (Complete Collection of Russian Chronicles) X. Saint Petersburg: "Ministry of Internal Affairs" Publ. (in Russian).

In Golmsten, V. V. (ed.). 1941. *Arkheologicheskie issledovaniya v RSFSR. 1934–1936 gg. Kratkie otchety i svedeniya (Archaeological Investigations in the Russian Federation in 1934–1936: Brief Reports and Data)*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publ., 148–151 (in Russian).

Svyatkin, V. S. 2001. *Vooruzhenie i voennoe delo mordovskikh plemen v pervoy polovine II tys. n.e. (Armament and warfare of the Mordovian tribes in the first half of the II millennium AD)*. Samara: Mordovian State Pedagogical Institute (in Russian).

Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th–15th Centuries))*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Stavitsky, V. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 6, 155–166 (in Russian).

In Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F., (comp.). 2011. *Arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary. Raskopki V.N. Glazova i V.A. Millera na Barbashinskom mogil'nike (Archaeological Studies in Samara. Excavations by V.N. Glazov and V.A. Miller at Barbashinsky Burial Ground)*. Samara: Samara Regional Museum of Local Lore named after P. V. Alabin (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2012. *Novye arkheologicheskie issledovaniya na territorii goroda Samary (New Archaeological Studies on the Territory of Samara)*. Samara: "As Gard" Publ. (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi Akademii nauk (Proceedings of the Samara Scientific Center, Russian Academy of Sciences)*. Vol. 16, no. 3, 326–329 (in Russian).

Stashenkov, D. A. 2014. In *Itogi arheologicheskikh issledovaniy v Samarskoj oblasti v 2013 godu. Materialy nauchnyh jekspeditsij (Results of archaeological research in Samara oblast in 2013. Proceedings of scientific expeditions)*. Samara: Samara Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences Publ., 5–34 (in Russian).

Stashenkov, D. A., Kochkina, A. F. 2008. *Boris Aleksandrovich Latynin. Samarskiy period zhizni (Boris Alexandrovich Latynin. Period of life in Samara)*. Saratov: “Novyi veter” Publ. (in Russian).

Yurchionkov, V. A. 2013. In *Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya (Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia)* 27 (3), 67–73 (in Russian).

About the Author:

Kozlov Dmitry A. Post-graduate student, Research Institute for the Humanities under the Government of the Republic of Mordovia. L. Tolstogo St., 3, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; demetriy87@gmail.com

Статья поступила в журнал 01.12.2022 г.
Статья принята к публикации 01.02.2023 г.